

Он небрежно взял со стола миску с кашей, жадно проглотил половину, громко отрыгнул и только потом поставил её обратно. Улыбнувшись хозяину стола, сказал:

— Давно не виделись, Юаньсяо.

— Давно не виделись.

Здесь находился Юйлиньвэй. Чуть севернее, за Юньчуаньвэй и через хребет Дациншань, уже лежали земли татар.

Здесь пейзаж приграничья проявлялся особенно ярко: небо и земля простирались до самого горизонта, облака плыли высоко и далеко, словно растягивая небесный свод. Один-два маленьких городка, приютившихся под этим небом, служили лишь скромными украшениями на безбрежных просторах.

Мелодичный пастуший рожок вторил ветру, и звук, подхваченный воздушным потоком, уносился всё дальше, становясь с расстоянием ещё тоньше и нежнее.

В таких местах любой пришлый выделялся сразу.

— С Центральных равнин? — Хозяин постоянного двора настороженно вытаращил глаза, разглядывая чужака, чья одежда явно выдавала в нём иноземца. По его разумению, люди с равнин несли с собой беду: они были хитры и коварны, словно сама судьба послала их в напасть пограничным жителям.

— Да, за лекарственными травами, — ответил Ван Чэнцян.

Ему и самому не хотелось сюда ехать. Жизнь здесь была куда суровее, чем на равнинах, да и местные относились к пришлым с явной неприязнью, хоть пейзажи и радовали глаз — высокое небо да лёгкие облака.

— На горы за травами?

— Да, на ту дальнюю гору. Нужно найти траву, что растёт под самыми облаками. Рецепт из Долины Персикового Цвета. — Хозяин, вы не слышали о таком снадобье?

— Вестимо нет. Может, старейшины вроде нашего вождя знают, да только его сейчас в городе нет.

— А где он?

— Кто его знает. В последнее время много странствующих мастеров туда-сюда снуют, все на рослых конях, даже не останавливаются. Не пойму, что стряслось.

— И я не ведаю. — Что ж, отдохну денёк да отправлюсь в горы на поиски. — Ван Чэнцян отсчитал хозяину монет на еду, а сам уселся у окна, наблюдая за улицей.

Из окна городок казался довольно милым: улицы чистые, всё прибрано, и весь он дышал какой-то прозрачной, кристальной ясностью. Не зря назвали его Юйлинь — Нефритовый Лес.

Нефритовая оправа на краю земли, лес из прекрасных видов.

Но эта хрупкая, нефритовая ясность легко могла разбиться. Как гладкую поверхность воды легче всего рябит ветер, так и этот городок, казалось, трепетал от любого громкого звука. Что уж говорить о топоте копыт и криках погони.

— Стой!

— Не остановишься — стрелять будем!

На самом краю городка, там, где земля сходилась с небом, показался конный отряд, преследующий одного всадника. Ветер доносил отрывистые крики и звуки бегства.

— Бедовый, бедовый! Эти странствующие опять за своё! — Хозяин выскочил из кухни, высунул голову за дверь, огляделся и тут же захлопнул её, задвинув на засов. Затем подбежал к Ван Чэнцяню, чтобы закрыть и окно. — Господин, будьте осторожней, не попадайтесь им на глаза.

Только тут Ван Чэнцянь заметил, что в зале, кроме него, никого не осталось. Остальные либо уже ушли, либо вместе с хозяином спешили закрыть ставни.

— Кто эти люди? Разбойники?

— Нет, с Центральных равнин, — ответил хозяин, не отрывая руки от оконницы. Услышав вопрос, он обернулся. — Говорят, из Павильона Недеяния.

— Не может быть. Павильон Недеяния всегда славился праведностью, они даже личность свою не афишируют. Как же они могут так открыто кого-то преследовать?

Хозяин, словно задетый за живое, резко выпрямился. — А почему бы и нет? Они и в дома врываются, и грабят. Спросите у любого здесь — у всех от них убыток был.

Ван Чэнцянь окинул взглядом присутствующих. Те смотрели на него, как на диковинного зверя. Под этим взглядом ему стало не по себе, он отступил к окну, распахнул его и выпрыгнул наружу.

— Я... пойду, погляжу.

Ван Чэнцянь ринулся вперёд по крышам домов, ловко перепрыгивая с одной на другую, и остановился лишь на самой высокой, откуда открывался хороший обзор.

Преследователи и впрямь были одеты по-равнинному, их лошади — каждая в холку с человека — были могучими скакунами с густыми гривами. Но даже таким коням не под силу долгая погоня: и они, и всадники выглядели измученными, покрытыми дорожной пылью, вид у них был довольно жалкий.

Но как бы они ни выглядели, преследуемый был в куда худшем положении. Он явно не умел держаться в седле, вжимаясь в спину коня, и его болтало из стороны в сторону вместе с бешеным галопом. Странно было другое: даже потеряв управление, он одной рукой судорожно сжимал что-то у себя на груди, словно оберегая.

Те, кто гнался за ним, явно забавлялись. Они могли бы легко нагнать беглеца, но намеренно держались на расстоянии, давая тому призрачную надежду. Кричали «стрелять будем», но лишь натягивали тетивы, пугая его. Когда тот в ужасе оглядывался, сзади раздавался дружный хохот.

— Ироды... Совсем людей за быдло держат, — пробормотал про себя Ван Чэнцянью, но с места не двинулся.

Вмешиваться в чужие дела было не в его привычках. К тому же, в Усадьбе Восьми Ветров не было традиции бросаться на помощь при виде несправедливости. Даже напротив — после той истории с третьим старейшиной усадьба долго хлебала дурную славу, и до сих пор в ней не было ни одной ученицы.

Наконец он всё же двинулся, но не для того, чтобы помочь.

Ему просто захотелось рассмотреть поближе того, кого преследовали.

У беглеца было странное лицо с орлиным носом, нетипичным для жителя равнин. Но самое примечательное было не это. Его голова была обмотана синим платком, и издали казалось, будто у него синие волосы или что он лысый монах, выкрасивший кожу головы в синий.

Приблизившись, можно было разглядеть, как из-под платка выбивались пряди жёлтых волос. Видимо, он тщательно обматывал голову, чтобы скрыть необычный цвет, но в какой-то момент повязка сползла или её сорвали. Он выдал себя и теперь пытался скрыться.

Но за что его преследовали?

Скорее всего, причина крылась в том, что он так истоиво прижимал к груди.

Внезапно Ван Чэнцянью овладело любопытство. Ему захотелось узнать, что это за сокровище, которое так оберегают и за которым так яростно гонятся. И ещё — понять, почему эти люди называют себя учениками Павильона Недеяния. Неужели Павильон пал так низко? Или же это просто подонки, прикрывающиеся громким именем для грабежа и разбоя?

И он спрыгнул вниз, возникнув перед ними словно из-под земли.

— Кто ты?

— Почему все только и спрашивают, кто я? Разве не видно? Я — человек, который преграждает вам путь. — Не дав договорить, он уже выпустил вперёд меч.

Усадьба Восьми Ветров, хоть и звучала грозно, вела своё боевое искусство от мягкого, текучего стиля Меча Чэнцянью. Только так можно было укротить этот клинок.

Меч Чэнцянью — имя, полное мужской силы, но сам он был гибким клинком, выкованным из южного вязкого железа. В движении он напоминал струю чистой воды, серебряной вспышкой прорезающую воздух.

А Ван Чэнцянью, представитель нового поколения, довёл особенности этого меча до предела. Он был рождён под счастливой звездой, наделённым талантом к мечу, потому отец и назвал его Чэнцянью. И он не обманул ожиданий, в одиночку введя Меч Чэнцянью в десятку самых знаменитых клинков рек и озёр.

Можно сказать, стоило Мечу Чэнцянью появиться — и его узнавали все.

И здесь было то же самое. Едва блеснул клинок, как кто-то вскрикнул:

— Знаменитый Меч Чэнцянью?

Эти, казалось бы, грозные преследователи на поверку оказались ничуть не лучше праздных зевак из чайных. Увидев сверкание Меча Чэнцянтя, они лишь успели вскрикнуть от ужаса, застыв на месте, не в силах пошевелиться.

<http://bllate.org/book/16265/1463562>